

Кубышкина Валерия Олеговна

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ФИЛОСОФИИ ГНОСТИКОВ В РОМАНЕ Л. ЛЕОНОВА "ПИРАМИДА"

Статья посвящена анализу гностических мотивов в романе Л. Леонова "Пирамида", основными из которых являются: идея создания мира как роковой ошибки, мотив тайного знания (гнозиса), образ Софии, образ Демиурга. В статье показано формирование идейно-смыслового ядра романа с помощью гностических мотивов, выводящих исторические реалии на уровень метафизического осмысления: борьба Добра со Злом не только объясняет особенности общественного развития, но и побуждает к поиску Истины.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/12-3/26.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12(54): в 4-х ч. Ч. III. С. 103-107. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

одного из компонентов пропозициональной структуры мотивирующего глагола. При образовании прилагательных с суффиксом -к- могут актуализироваться субъект, объект действия, инструмент, при помощи которого выполняется действие, место действия, а также средство, расходуемое при выполнении действия. В некоторых случаях не наблюдается полного соответствия между лексическим наполнением компонента пропозициональной структуры глагола и актуализированной семой прилагательного: мотивированное прилагательное называет признак лишь части предметов, названных мотивирующим глаголом в качестве участников действия. Кроме того, актуализируемый в прилагательном компонент может иметь разный статус в пропозициональной структуре мотивирующего глагола. Это связано с тем, что при назывании сложного действия, осуществляемого лицом посредством других предметов или лиц, в качестве деятеля может рассматриваться и само лицо, и предмет, при помощи которого осуществляется действие.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1995. 367 с.
2. Богданов В. В. Речевое общение. Прагматические и семантические аспекты. Л.: Изд-во Ленин. гос. ун-та, 1990. 87 с.
3. Степанов Ю. С. Индоевропейское предложение. М.: Наука, 1989. 247 с.
4. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988. 656 с.

PROPOSITIONAL STRUCTURE OF THE MEANING OF VERBAL ADJECTIVES

Krylova Natal'ya Fedorovna, Ph. D. in Philology
S. Toraihyrov Pavlodar State University, Kazakhstan
Krylova.tasha@mail.ru

The article is devoted to the study of verbal adjectives by the example of adjectives with the suffix -к-, an important semantic peculiarity of which is the reflection of propositional structure of a motivating verb in the process of their word formation. While forming these adjectives such components of verbal proposition as subject, object of action, tool with the help of which the action is exercised, the place of action, and also means, used up while doing the action, may be actualized.

Key words and phrases: derivative adjectives; productive words; verbal adjectives; semes; propositional structure; seme structure.

УДК 82

Филологические науки

Статья посвящена анализу гностических мотивов в романе Л. Леонова «Пирамида», основными из которых являются: идея создания мира как роковой ошибки, мотив тайного знания (гнозиса), образ Софии, образ Демурга. В статье показано формирование идейно-смыслового ядра романа с помощью гностических мотивов, выводящих исторические реалии на уровень метафизического осмысления: борьба Добра со Злом не только объясняет особенности общественного развития, но и побуждает к поиску Истины.

Ключевые слова и фразы: гностицизм; русская литература; софиология; философия; религиоведение.

Кубышкина Валерия Олеговна

Северо-Кавказский федеральный университет
v4789@yandex.ru

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ФИЛОСОФИИ ГНОСТИКОВ В РОМАНЕ Л. ЛЕОНОВА «ПИРАМИДА»[©]

Гностицизм – особое религиозно-философское учение, синтезирующее мифологемы христианства, мотивы платонизма, мистику Востока. Синкретичная природа учения обеспечила ему долговечность в истории.

Нетрадиционный взгляд на мироустройство, свойственный гностикам, привлек внимание писателей, осваивающих действительность через призму философских концепций. Множество вариантов истолкования бытия (гнозис Валентина, Василида, Маркиона) создают широкое поле для формирования художественной картины мира, действующей по особым, внутренним законам.

Влияние гностических идей на творчество писателей позволяет говорить о формировании двух литературных тенденций: «гностически-романтической» (Гоголь, Лермонтов, Достоевский, Лесков, представители Серебряного века) и «позитивно-христианской, где позитивное христианство смыкается с языческим принятием жизни» (Пушкин, Толстой, Гумилев) [5].

Как известно, наиболее яркое воплощение гностицизм получил в поэзии модернистов. На почву русской культуры мистическое учение перенес В. С. Соловьев, обратившись к известным гностическим мотивам в своем сочинении «Три свидания», описывающем таинственный опыт общения отягощенного земным бытием героя с Софией.

В русской литературе середины XX в., периода влияния советской идеологии на все сферы жизни общества, гностицизм продолжает привлекать внимание писателей, в частности, Л. Л. Леонова.

Гностическая идея сотворения мира как ошибки Творца является одной из центральных в творчестве писателя [4, с. 5]. Тема богооставленности формируется у автора еще в раннем творчестве. Апокрифическая литература, которую маленький Л. Леонов читал деду вслух, оставила в нем впечатление чудотворности жизни, усиленное священным трепетом в момент богоявления, когда ребенка одного в поле застала гроза. Однако таинственное видение не воспитало в будущем писателе кроткого послушника: еще в юношеской поэме «Земля» просматривается гностический сюжет, описывающий кражу Земли Дьяволом.

В связи с этим интересно рассмотреть функционирование мотивов учения гностиков в итоговом романе «Пирамида». Выделим наиболее характерные для гностицизма мотивы.

1. Господство злых сил над миром. Согласно религиозно-философскому учению, мир создан в результате грехопадения Софии, тщетно пытавшейся познать скрытого от мира Отца. Космическая драма завершилась рождением злого Демиурга Ялдабаофа, который, по незнанию возомнив себя верховным Богом, сотворил несовершенную Землю и заключил человека в плен физической оболочки и конечности существования.

Нескончаемый страх репрессий, атмосфера недоверия как приметы сталинской действительности в романе Л. Леонова приобретают очертания царства зла, которое очевидно довлеет над миром, намекая на свое бескомпромиссное превосходство: в то время как Дьявол-искуситель громко заявляет о своем присутствии через земное воплощение в профессоре Шатаницком, говорить о Боге в романе возможно либо в связи с воспоминанием о Матвее о грозе (автобиографический эпизод), либо при обращении к образу ангела Дымкова, который «по внешнему облику, умственному уровню и дальнейшей судьбе является всего лишь духовной эманацией бедной фантазерки со старофедосеевского погоста» [2, с. 625].

Созерцая беспросветный ужас бытия, о Матвее не находит объяснения сложившегося мироустройства в традиционных верованиях. Кошмар происходящего искажает восприятие героя, догадки которого в итоге складываются в еретическое учение.

«...отец Матвей приходит к выводу, что готовится примирение Бога и дьявола, а поскольку предметом их... раздора... был человек, ибо Бог хотел отдать в подчинение “созданным из глины” “созданных из огня”, то перед этим примирением человек будет уничтожен, причем собственными руками – путем “самовозгорания человечины”» [4, с. 7].

Образ человека как божественного творения в романе дискредитируется сторонниками Шатаницкого. Библейский Адам ассоциируется с примитивным организмом: именно так отзывается о человеке «корифей наук» Шатаницкий: «...коммунальная дележка... лимитных благ... обрекает человечество на неминуемое... измельчание вида до ста миллиардов особей на чашку Петри» [2, с. 32].

Наряду с опровержением ценности человека, Шатаницкий беспощадно опровергает и феномен чуда, лишая смертных единственной надежды на спасение. Псевдонаучное объяснение совершения чуда в мире становится способом его развенчания: «Высшие чины небес состоят из чистого духа <...> и, значит, при сошествии в нижние этажи стихийно меняют свою предельно разреженную каркасно-циклопическую структуру, построенную из шквальной ливневой сверхкоротких излучений, исполнинского натяжения темных космических масс... на местную, более скромную, ... атомную инженерную конструкцию» [Там же, с. 36]. Научные изыскания корифея кажутся не случайными: еще в средневековой традиции знание считалось привилегией дьявольских сил.

Таким образом, зло утверждает свою абсолютную власть через науку, язык которой делает цельное знание о мире дискретным, обнаруживает лишь одну из его сторон, навязывает безграничному чуду рамки физических законов земного мира. Вот почему, по мысли Шатаницкого, огромный творческий потенциал божественной Силы в масштабах человеческого бытия сжимается до «дара чудотворения» [Там же].

Профессор подозревает, что чудо – эманация великой созидательной Силы, и это знание дает ему преимущество перед гностическим Ялдабаофом, не догадывающимся о невяленном Отце: в отличие от Демиурга, корифей знает о Боге, и знание это делает Шатаницкого опасным соперником для Дымкова, разоблачение которого перед Небом стало бы решительным ударом по шаткому равновесию Добра и Зла.

Но только ли для этого корифей всех наук стремится сделать Дымкова «невозвращенцем»? В «Пирамиде» звучит гностическая по своему содержанию фраза, проливающая свет на тайный замысел героя: «Никто сильнее дьявола не любит **Бога**, <...> лишь отверженному дано постичь объем постигшей его утраты» [Там же, с. 700].

Возможно, Шатаницкий ищет способ скорейшего разрешения вечного противостояния Сил (по Еноху, это случится после самоуничтожения человечества), потому хочет устранить Дымкова как последнюю надежду на спасение людей. Иное предположение: профессор преследует цель сделать Дымкова отступником, чтобы представитель Небес постиг участь отвергнутого, испытал чувства падшего ангела и способствовал принятию крылатых мятежников обратно в высшие сферы.

Как видно, судьба человечества в этом конфликте не задействована, потому и передается Шатаницким в руки демонического наместника Сталина.

Идеи корифея близки мыслям Сталина, озвученным в его ключевом монологе.

Скрытый помощник Хозяина Шатаницкий выступает властителем дум, их негласное содружество объясняется в тексте: корифей – участник «знаменитого ангельского мятежа против небесного самодержавия, после чего начались время, история и люди» [Там же, с. 29]. Сталин утвердил власть на обломках самодержавия, начав новую, «земную» историю. Метафизическое противостояние Добра и Зла неожиданно приобретает социально-историческую оболочку.

2. Гнозис – спасительное знание. В царстве зла правда искажается ложными истинами. Незнание Демиурга о верховном Отце стало причиной появления несовершенной земли, подчиняющейся закону антигнозиса, который и проповедует Хозяин. Он стремится построить идеальное утопическое общество, цена которого была бы оправдана многочисленными человеческими жертвами: «нечего щадить глину, не оправдавшую своего основного предназначенья...» [3, с. 570]. С другой стороны, «драматизм положения и в том, что на Хозяина падает ответственность за жертвы и репрессии. Крушение нового общества означало бы преступность мер, которые были предприняты ради его защиты <...> “Любовь к дальнему” обеспечивается самопожертвованием современников» [6, с. 68-69].

Главная угроза будущему обществу – неискоренимые социальные противоречия, борьба большинства с меньшинством, представленным гениями, в своей уникальности несущими механизм вырождения масс. Вождь задумал использовать силу Дымкова для преобразования человечества и упрощения дальнейших манипуляций над ним: «Длительная закалка страданьем повышает живучесть организмов, наделяя их средствами, смертельными в обороне» [3, с. 564].

Сталин говорит: «Нам с тобой, товарищ ангел, предстоит поубавить излишнюю резвость похотей и мыслей для продления жизни на земле» [Там же, с. 593].

Для Дымкова вмешательство в человеческую природу – нарушение божественного закона и еще одна компрометирующая западня, ведь превращение людей в машины грозило бы лишением их «свободного выбора между добром и злом» [Там же, с. 594].

Вторая часть плана Хозяина – «донести энтузиазм масс до обожевления вождя... тем более, что это единственное средство внушить им бесчувственность к боли на случай... ненависти к оператору, чтобы тот... не поранил руку о зубы рассердившегося пациента» [Там же, с. 661].

Первый шаг к воплощению замысла – строительство грандиозной скульптуры Сталина, символизирующей бессмертие власти и несокрушимость величия. В противовес идолу тоталитаризма в романе выдвигается другой символ единоличной власти – пирамида. Образ возникает в сочинении Вадима Лоскутова, преследующего цель предупредить вождя о развенчании культа личности правителя будущими поколениями. На примере жестокого фараона, гробница которого впоследствии была постыдно разграблена, герой показывает Сталину развитие его посмертной судьбы. Еще одна расшифровка символа – западная модель словной пирамиды, основанная на рабстве с «абсолютным властелином на вершине» [Там же, с. 72].

Такой схеме противопоставлена изображенная Вадимом прямая, символ равенства и братства: «земляне, взявшись за руки и сомкнутым братским строем... шествуют к некоему отвлеченному солнцу» [Там же, с. 71]. Гибель рода человеческого может предотвратить только забота о ближнем.

Идеи Вадима Лоскутова гораздо ближе к христианству, нежели еретические высказывания о Матвее. Тирада Матвея Лоскутова сводится к богохульной идее о том, что Бог отдал Сына на землю, чтобы искупить не человеческие грехи, а собственные. Мысль эта переключается с одним из аспектов гностического учения об ошибочности сотворения мира.

Грех о Матвее, его богоотступничество искупает именно сын Вадим. В своем послании вождю герой смело заявляет о скором крахе жестокой власти, утвержденной на крови, и говорит о братском единстве, присущем русскому народу. За свои воззрения он гибнет в лагерях, но, стремясь развенчать всесильного вождя, дарит частицу веры в светлое будущее.

3. Софийные мотивы. В гностическом учении в знак сочувствия к человеку София посылает гнозис как залог спасения. В перевернутом мире «Пирамиды» Софией, связывающей мир земной и небесный, оказывается Дуня, страдающая от душевного расстройства. Возможно, именно недуг, а не божественный дар, позволяет ей общаться с трансцендентным миром и Дымковым. Предчувствие Истины граничит с умопомешательством, на что указывает деталь в одежде Дуни: синий цвет ее безвкусной шубки, символизирующий тайное знание (как голубой цветок Новалиса в романтизме), – на первый взгляд, примета пневматика, но в целом – часть нелепого образа бедной больной девушки: «...он уже подзабыл забавную девицу в смешном капоре и шубке, помнится, голубого рытого плюша, употребляемого на подклейку футляров для среднеазиатских музыкальных инструментов» [2, с. 622].

Общение с Дымковым не увенчалось успехом: небесный странник добровольно уходит из-под опеки Дуни, попадая в общество циркового артиста Дюрсо, жаждущего прославиться с помощью сверхъестественного дара ангела.

Приниженный образ Софии контрастирует с ярким образом роковой обольстительницы – Юлии Бамбалски. В ее портрете угадывается и блоковская Незнакомка (тварной аспект Софии, подчинившейся земному существованию), и Настасья Филипповна, демоническая красавица. Дьявольская привлекательность Юлии завораживает даже ангела Дымкова, для которого связь с «земной дочерью» может обернуться грехопадением.

Важно подчеркнуть два момента. Во-первых, в этом эпизоде угадывается сюжет из книги Еноха (цитата из которой служит эпиграфом к роману «Пирамида») о союзе ангелов с «дочерьми сынов человеческих: 9 Они зачали и родили великих исполинов, рост которых был в три тысячи локтей. 10 Они поели все приобретенные люди... 11 Тогда исполины обратились против самих людей, чтобы пожирать их» [1, с. 9].

Во-вторых, раскрывается еще один мотив философии гностиков: бремя физического бытия. Гностики утверждали: тело – темница для души, потому истории известны случаи поистине кровавые, когда фанатичные пневматики принуждали беременную женщину к аборту, после чего съедали плод, чтобы предотвратить

заточение божественной души в тело. Этот мотив часто встречается в «Пирамиде»: «Душа тяготится телом, под корнем изнывает от смертной ноши своей, а расставаться жалко...» [3, с. 343].

Физическая близость Дымкова с Юлией «утяжеляет» его ангельскую сущность, прочнее связывает ее с телесной оболочкой, притягивает к земле: «Прикинувшееся вначале исполнительным слугой, тело все чаще проявляло себя деспотическим господином» [2, с. 524].

Подобную зону души Л. Леонов называет «пузырьком воздуха» [Там же, с. 343], подчеркивая ее неуловимость и хрупкость, несравнимую с материальным, с плотью.

Юлия через физическое пленение Дымкова хочет стать матерью сверхчеловека, исполина, так что плоть для нее – инструмент постижения «неких **пучин преисподних**» [Там же, с. 703]. Героиня предчувствует скорое открытие Истины, потому испытывает страх, ей «**боязно** знать» [Там же, с. 716]. Боязно оттого, что обнаруженная тайна невыносима для человеческого восприятия, Истина в несовершенном мире превращается в ложь: «Чудо – это всегда безмерная и всегда несбыточная радость, без которой... нельзя на свете жить» [Там же, с. 729].

Для земного существа чудо всегда несбыточно, в отличие от Дымкова, который способен творить чудеса: «Я просто тянусь рукой в пустоту, где таится все, и беру оттуда любую вещь, какая мне подумалась» [Там же, с. 700]. Духовная сущность знает, что замысел шире, чем его воплощение.

Один из гностиков Василид признавал сущим семя, брошенное Творцом в пустоту (панспермия). В сочинении мыслитель применил красочную метафору, сопоставив семя с яйцом павлина: как за невзрачной белой скорлупой скрывается пестрота ярких красок оперения птицы, так и в одном семени скрывается бесконечность воплощений мира. Вселенная была совершенна, пока этот потенциал концентрировался в семени и мог таким образом осознаваться, но с сотворением Земли возможность существования мира в иных координатах и при иных характеристиках была безвозвратно утеряна.

Изначально выделяется «несказаннейший Глава мира». Он ошибочно считает себя Верховным Богом и порождает более могущественного, чем он сам, Сына, не предполагая существования истинного Отца, в силу своего совершенства не явленного миру. Через Сына создается планетный мир (364 неба), земная часть которого остается без Архонта.

Потенциал замысла бесконечен и многообразен, что делает его совершенным, тогда как, воплотившись, идея меркнет, ограничившись одним из задуманных вариантов исполнения.

В «Пирамиде», говоря о безграничной силе чуда, рассказчик ссылается на Августина: «Чудо не противоречит природе, чудо противоречит лишь тому, что мы о ней знаем» [Там же, с. 44].

Тварная София, не верящая в чудо, переживает крах в попытке поработить Дымкова – роковой образ дискредитируется в эпизоде исчезновения дома, материализованного Дымковым: вместе с любовником Сорокиным Юлия падает с растворившегося в воздухе этажа на землю в лесу.

Итак, среди наиболее ярко выраженных гностических мотивов в романе «Пирамида» можно назвать:

1) отсылки к памятнику гностической философии – Книге Еноха, цитата из которой взята в качестве эпиграфа к роману (основные образы и мотивы из апокрифа: история ссоры Бога и Дьявола, самоуничтожение человечества как конец вселенского раздора);

2) мотив гнозиса, спасительной Истины (в романе Л. Леонова герои проходят череду испытаний лжеистинами. Как правило, гнозисом владеет пневматик, а поскольку в «Пирамиде» среди избранных есть антагонисты – Шатаницкий, Хозяин, то и истина в их руках становится перевернутой. Для положительных героев великая цель – почувствовать обман);

3) образ Софии (реализуется в двух противоположных героинях – юродивой и духовно просветленной Дуне и земной женщине Юлии);

4) образ Демиурга (транслируется через образ Хозяина, сохраняет свои традиционные гностические характеристики).

Таким образом, сложная конструкция романа позволяет выявить в нем несколько смысловых пластов – от конкретно-исторического (реалии сталинской России) до метафизического (фигура вождя рассматривается в координатах Большого исторического времени, исторический процесс подчинен диалектическому закону борьбы Добра и Зла).

Несмотря на противоречивость образов, изображаемых в творчестве писателя, Л. Леонова сложно назвать проповедником атеизма. Его еретический роман, при всей мрачности содержания, побуждает читателя к поиску Бога среди иллюзий.

Гностическая философия, ставшая идейным фундаментом «Пирамиды», служит развернутой метафорой эпохи тоталитаризма, проникнутой духом неверия и ложных истин.

Список литературы

1. Енох. Книга Еноха. М.: Азбука Классика, 2008. 336 с.
2. Леонов Л. М. Пирамида: в 3-х кн. М.: Голос, 1994. Кн. 1. 736 с.
3. Леонов Л. М. Пирамида: в 3-х кн. М.: Голос, 1994. Кн. 2. 674 с.
4. Овчаренко О. О романе Леонида Леонова «Пирамида» // Леонов Л. М. Пирамида: в 3-х кн. М.: Голос, 1994. Кн. 1.
5. Силаев А. Михаил Вайскопф: «Романтик идет по жизни как лунатик по карнизу» [Электронный ресурс]. URL: <http://newslab.ru/article/339121> (дата обращения: 09.02.2015).
6. Хрулев В. И. Монолог диктатора в структуре романа Л. Леонова «Пирамида» // Поэтика Леонида Леонова и художественная картина мира в XX веке: мат-лы Междунар. конф. СПб.: Наука, 2002. С. 66-76.

**ARTISTIC COMPREHENSION OF THE PHILOSOPHY
OF Gnostics IN THE NOVEL BY L. LEONOV "THE PYRAMID"**

Kubyshkina Valeriya Olegovna
North-Caucasus Federal University
v4789@yandex.ru

The article is devoted to the analysis of Gnostic motives in the novel by L. Leonov "The Pyramid", the central of which are: the idea of the world creation as a fatal mistake, the motive of secret knowledge (gnosis), the image of Sofia, the image of Demiurge. The paper shows the formation of a conceptually notional main body of the novel with the help of Gnostic motives, bringing out the historical realities at the level of metaphysical comprehension: the struggle of Good and Evil does not only explain the peculiarities of social development, but it also urges the search after the truth.

Key words and phrases: Gnosticism; Russian literature; Sophiology; philosophy; religious studies.

УДК 80; 81

Филологические науки

В статье на широком материале рассматриваются процессы развития семантики лексических единиц, расширение их сочетаемости, а также процесс семантического обновления словосочетаний в современном русском языке. Приводятся данные о возникновении и функционировании в русском языке новых устойчивых и перифрастических словосочетаний, а также неопределенных, не зафиксированные в словарях.

Ключевые слова и фразы: семантика; сочетаемость; семантическое развитие; семантическое обновление; неопределенность.

Кузнецов Юрий Александрович, к. филол. н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
y.a.kuznetcov@spbu.ru

**К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССАХ СЕМАНТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
И ОБНОВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ[©]**

Общеизвестно, что семантическое развитие слова связано с расширением его сочетаемости. И «чем дальше отход слова от типовой узусальной сочетаемости, тем больше возможности его семантического развития. Слово, обращенное к другому объекту мира, меняет свою семантику, одновременно меняя для говорящих сам фрагмент языковой картины мира» [5, с. 181].

Рассмотрим процесс семантического развития и обновления лексической единицы в современном русском языке на примере прилагательного *долгоиграющий*. Данное прилагательное еще 20-30 лет назад занимало в лексической системе русского языка довольно скромное место. Его употребляли в качестве определения к существительному *пластинка* в значении 'диск со звуковой записью для проигрывателя, патефона и т.п.' [4, с. 449], т.е. его лексическая сочетаемость сводилась к единственному слову.

В толковых словарях современного русского языка его значение определяется следующим образом: *долгоиграющий* в словаре С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой (1985) – 'о грампластинках: с записью большого объема' [4], в МАС (1985) предлагается сначала словосочетание – *долгоиграющая грампластинка* – а далее толкуется само сочетание – 'грампластинка с записью большого объема' [6, с. 442]. В БТС (2000) приводится следующая дефиниция: 'с записью большого объема, рассчитанный на длительное прослушивание (о грампластинках)' [1, с. 271]. Таким образом, лексикографически до 2000 г. прилагательное *долгоиграющий* имело единственный вариант сочетаемости с существительным *пластинка* (грампластинка). Однако в Словаре современного русского литературного языка (БАС) [7] слово *долгоиграющий* отсутствует. Это навело на мысль обратиться к истории появления данного слова в русском языке.

Впервые тип долгоиграющих грампластинок (Long-playing record albums) появился в США в 1949 г. В СССР же долгоиграющие пластинки (33 об/мин) стали выпускаться только с 1956 г. Поэтому неудивительно, что в 3-м томе БАСа, который вышел в 1954 г., прилагательное *долгоиграющий* не зафиксировано.

По форме слово *долгоиграющий* представляет собой сращение. Однако вернее предположить, что в нашем случае мы имеем дело не с исконным сращением, а с заимствованием из английского языка, точнее с его разновидностью – собственно лексической калькой. Английское слово *long-playing* переводится буквально как «долгоиграющий». Становится объяснимым одномоментное появление данного прилагательного в русском языке и присутствие слова «запись» / *record* в словарных дефинициях.

Обратимся к примерам современного функционирования данного прилагательного, которые взяты, в основном, из Национального корпуса русского языка (привлекались основной, газетный и устный корпусы). Сплошная выборка дала более пятисот примеров употребления прилагательного *долгоиграющий*. В результате открылась очень интересная картина, которая позволяет сделать некоторые наблюдения и выводы.